

Инклюзивное «мы» как особенность риторической организации парламентских дебатов Бундестага

По мнению Люббе, политика представляет собой не в последнюю очередь искусство произведения в среде общественности готовности к согласию. При этом политикам необходимо использовать слова, которые будут вызывать доверие граждан [1:162].

В связи с тем, что в демократическом государстве регулярное проведение выборов и связанное с ними последующие распределение власти абсолютно неизбежно, каждый отдельный политик, как и партия в целом, вынуждены формировать и поддерживать собственный имидж определенными рекламными средствами. При этом слово в политике перестает быть нейтральным носителем информации. Оно становится словом, рассчитанным на убеждающее, апеллирующее и, при необходимости, успокаивающее рекламное воздействие. Кроме того, оно представляет собой одну из форм существования пропаганды.

Хотя парламентская речь, как любая другая политическая речь, построенная на аргументации и (или) убеждении, в принципе может использовать любые из языковых средств, существуют, однако, некоторые явления, которые особенно для нее характерны. К таким явлениям можно отнести использование ключевых слов, лозунгов, специфических метафор, намеков, языковой игры с именами собственными, цитат в речи. В данной статье мы обратимся к рассмотрению использования депутатами в речи «инклюзивного *мы*», в качестве материала используя стенограммы заседаний бундестага Германии.

Достаточно часто в речи немецких политиков, в частности депутатов бундестага и членов правительства встречается употребление суггестивного «*мы*». Распространенной точкой зрения является мнение о том, что если говорящий в речи использует личное местоимение первого лица множественного числа, то он причисляет себя к той группе лиц, о которой идет речь. Т.е., «*мы*» обозначает говорящего и лиц, принадлежащих к его группе. Однако лишь контекст дает ясное представление о том, о какой группе идет речь и насколько она велика.

Кроме того, существует форма *мы* как *Pluralis majestatis*: *Wir, Wilhelm, von Gottes Gnaden deutscher Kaiser*.

Встречается также форма множественного числа, так называемый авторский *Pluralis*, посредством которого автор вводит диалогичные коммуникационные структуры: «*Wir kommen damit zu einer wichtigen Frage...*». Эта форма также достаточно широко распространена, как и «*мы*», употребляемое медицинскими сестрами вместо «ты» или «Вы»: «*Jetzt nehmen wir schön das Fieberthermometer und messen die Temperatur*» [2].

В данной связи Маас говорит о «патерналистичном *мы*», которое употребляется взрослыми по отношению к детям, и которое служит заменой для *ты* или *вы* [3:74].

Таким образом, *мы* может обозначать только говорящего, его группу, его группу и другие группы, общность, к которой принадлежит говорящий. В отдельных случаях сам говорящий может и не принадлежать к той группе, в отношении которой он применяет местоимение *мы* («патерналистичное *мы*», которое, однако, не характерно для политического языка как внутри, так и за пределами парламента). В политической речи *мы* содержит определенную долю самонадеянности» [4:406], когда включает в себя пресуппозицию говорящего от имени других. Оно подсознательно аппелятивно и внутри группы действует интегрирующее, а за пределами группы выделяет группу либо отделяет ее от других групп.

То, что подразумевает под собой *мы*, – это достаточно большой диапазон вариантов смысла, который, по мнению Гайера, можно обозначить как «Wir-Sprache» [5]. Все тексты пленарных дебатов пронизаны этим языком. При этом адресат может быть как включен в группу, подразумеваемую под *мы*, так и оставаться за ее пределами. То есть, в данном случае следует различать инклюзивное и эксклюзивное употребление *мы*. Однако очень часто границы группы, о которой идет речь, остаются не озвученными, т.е. неясно, какой круг лиц подразумевается под *мы*.

„Es befriedigt uns [= Schmidt, die SPD, die Regierung, die Abgeordneten, alle Deutschen?] zu sehen, daß auch Gewerkschaften und Bundeswehr Verständnis füreinander gefunden haben» (DB 9/118, Schmidt 7163).

„Wir [= die Bundesregierung] müssen diese Verhandlungen [Genfer INF-Verhandlungen über Mittelstreckenwaffen] kritisch und anregend begleiten» (DB 9/118, Schmidt 7163).

„Wir [= die NATO, die Bundesrepublik Deutschland, die Bundeswehr?] bedrohen niemanden» (DB 9/118, Barzel 7171).

„Wir [= CDU/CSU] bestreiten dem Bundeskanzler nicht das Bemühen um den Ausgleich mit den osteuropäischen Ländern» (DB 9/118, Geißler 7177).

„Wir [SPD und FDP] sind zusammen durch Krisen gegangen, aber wir Sozialdemokraten wollten niemals [...] ihre Schwächung [...]» (DB 9/118, Brandt 7188).

„Das Volk ist nicht für die Parteien und für die Parlamente da. Wir [= die Abgeordneten] haben für das Volk dazusein» (DB 9/118, Brandt 7192).

„Wir [= die FDP, die FDP-Spitze, die FDP-Minister, die Koalition als Ganze?] haben Fehler gemacht. Auch ich habe Fehler gemacht. Wir hätten mehr tun müssen, entschlossener kämpfen müssen um den Erhalt der alten Koalition» (DB 9/118, Baum 7193).

„Wir [= die „Abtrünnigen» FDP-Abgeordneten] wollen weiter für die Ziele eintreten, für die wir gewählt worden sind» (DB 9/118, Baum 7194).

Реже для сужения круга подразумеваемых лиц в качестве атрибута употребляется существительное, которое непосредственно обозначает группу: «Wir, die Abgeordneten,...», «Wir, die Regierung,...». Например:

„Wir Sozialdemokraten warnen vor einer Umverteilung von oben nach unten» (DB 9/118, Schmidt 7165).

„Wir, diese neue Mehrheit, trauen uns zu, die Karre wieder herauszuziehen» (DB 9/118, Barzel 7171)/

Мы является тем указательным словом, значение которого колеблется в зависимости от контекста [6:122]. Однако и у самих депутатов такая многозначность данного местоимения вызывает полемику:

Abg. Gamp: Wenn der Herr Abgeordnete Rickert von «wir» spricht, so ist es außerordentlich schwierig, diejenige Partei zu erkennen, welche er meint. Er hat in den letzten Jahren so verschiedenen Parteien angehört, daß es gar nicht möglich ist, zu wissen, ob er unter «wir» die deutschfreisinnige, die Fortschrittspartei, die sezessionistische oder die nationalliberale meint.

В прениях по поводу выражения вотума недоверия федеральному правительству во главе с канцлером Шмидтом и выборов нового канцлера, которым стал Гельмут Коль вариативность использования *мы* особенно широко была представлена в речи председателя партии СДП Мишника. В этот период партия раскололась на два лагеря, и Мишник принадлежал к большому [7:262]. По оценке Вольмерта, в докладе Мишника присутствует не менее 12 групп *мы*, причем у говорящего налицо эмоциональная и когнитивная неопределенность относительно собственной групповой принадлежности. Наряду со ссылкой на *мы* как на «всех парламентариев», особенно часто встречаются также *мы*-ссылки на фракцию СДП как на целое, а также на ее большинство и даже ее руководство, а также на группы, представленные двумя лицами:

Mischnick-Schmidt: «Herr Bundeskanzler, als Sie zum erstenmal von Neuwahlen sprachen, als einziger hier eine andre Meinung vertreten habe. Wir waren uns beide in einem Gespräch darüber klar, daß das Grundgesetz unterschiedliche Möglichkeiten zuläßt»;

«Herr Bundeskanzler, wir haben über lange Jahre sehr eng zusammengearbeitet»;

Mischnick-Wehner: «Herr Kollege Wehner, wir haben über 13 Jahre sehr schwere Entscheidungen treffen müssen-Wir haben manchmal allein vor Entscheidungen gestanden- ausgehend von völlig divergierenden Standpunkten wenn ich an die Mitbestimmung denke»;

Mischnick-Kohl: «Herr Kollege Kohl, wenn die Wahl so ausgeht, wie es wir es wollen – ich bin überzeugt ,sie geht so aus-, werden Sie einen fairen Partner haben, weil ich faire Partnerschaft als einen entscheidenden Teil der Glaubwürdigkeit dieser Demokratie ansehe»

Подобного рода неопределенность по поводу собственной идентичности приводит в конце концов к частотному сдвигу от *мы* к *я*.

Особенно часто при инклюзивном (менее часто при эксклюзивном) использовании *мы* у слушающего (читающего) подсознательно возникает чувство принадлежности к той группе, к которой обращается говорящий. На эмоциональном уровне он попадает в эту фактически существующую или абстрактную группу [4:408]. Например:

«Wir dürfen die Hoffnungen der Deutschen in der DDR nicht enttäuschen: (DB 9/118,Schmidt 7162) «.

В данном случае нельзя исключить возможности, что под *мы* подразумевались все граждане ФРГ. Использование такого потенциально объемного *мы*, выступающего в подобном контексте, придает всему

предложению глубоко апеллирующий характер. Таким образом, говорящий совершает попытку разбудить в адресате желание, почувствовать себя членом позитивно оцениваемой группы. В таких случаях данное местоимение служит для того, чтобы «привязать» слушателя к адресату или усилить «чувство принадлежности» к определенной группе.

Интегративное *мы* становится тонким средством отделения собственной группы внутри парламента. В то же время, это возможность суггестивно вовлечь в свои ряды другую группу, а также обратиться к включенной в процесс дебатов посредством СМИ общественности.

Таким образом, абстрактно возможные значения местоимения *мы* в политической речи могут быть классифицированы следующим образом [4]:

1. говорящий и группа, к которой он принадлежит: «инклюзивное *мы*».
 - 1.1 говорящий и общность его товарищей – «антропологическое *мы*»;
 - 1.2 говорящий и его соотечественники – «национальное *мы*»;
 - 1.3 говорящий и узкая группа, к которой он себя относит – «коллективное *мы*»;
 - 1.3.1 говорящий и его группа в отличие от других групп – «конфронтационное *мы*»;
 - 1.3.2 говорящий и его группа вместе с другими группами – «интегративное *мы*»;
 - 1.3.3 говорящий, его группа и, возможно, другие группы в независимости от их исторически меняющегося состава – «трансисторическое *мы*»;
 - 1.3.4 говорящий, его группа и другие группы – «трансмедийное *мы*»;
 - 1.4 говорящий и слушающий – «дуальное *мы*»;
2. говорящий один – «эго-идентичное *мы*»:
 - 2.1 монарх как говорящий – *pluralis majestatis*;
 - 2.2 автор (с участием читателя) – *pluralis modestiae*.
3. слушающий, но не говорящий – «экслюзивное *мы*»:
 - 3.1 слушающий, но не (социально находящийся выше) говорящий – «патерналистичное *мы*»;
 - 3.2 слушающий, но не (проявляющий интерес из вежливости) говорящий – «ювиальное *мы*»;
 - 3.3 слушающий, но не (дидактически на него влияющий) говорящий – «педагогическое *мы*».

В контексте двойственности реальности политических действий и инсценированности парламентской коммуникации [9], которая, в свою очередь, ведет к постоянной двойной адресованности, интегративное *мы* становится тонким средством внутрипарламентского отделения собственной группы. В то же время оно позволяет на подсознательном уровне включить в свой состав чужие группы при одновременном обращении (апелляции) к включенной в процесс парламентской коммуникации общественности.

В тоталитарном государстве личное местоимение первого лица множественного числа может использоваться как языковое средство диктаторской принудительной интеграции.

21 мая 1935 г. Гитлер цинично заявил в рейхстаге:

„Wer in Europa die Brandfackel des Krieges erhebt, kann nur das Chaos wünschen. Wir aber leben in der festen Überzeugung, daß sich in unserer Zeit nicht erfüllt der Untergang des Abendlandes, sondern seine Wiederauferstehung».

По мнению Пельстера [8:50], в период национал-социализма и существовавшего до недавнего времени социализма, *мы* в политической речи означало «*мы* – партия» и, соответственно, «*вы* – народ». Однако использование политическим оратором данного местоимения в речи подразумевало, что партия, правительство и народ образуют единую массу, в которой ответственность за происходящее в стране распределяется между всеми входящими в эту группу одинаково.

Таким образом, значение местоимения *мы*, используемого депутатами бундестага в речи в ходе дебатов, с одной стороны, может быть определено только из контекста, с другой стороны, границы группы, о которой идет речь, часто остаются нечеткими. Использование говорящим данного приема позволяет на подсознательном уровне разбудить в адресате желание, почувствовать себя членом позитивно оцениваемой группы, а также «привязать» слушателя к адресату или усилить чувство принадлежности к определенной группе.

Библиографический список

1. Lübke H. Der Streit um Worte. Sprache und Politik . In: ders.: Bewusstsein in Geschichte. Studien zur Phänomenologie der Subjektivität. Mach-Husserl-Schapp-Wittgenstein.-Freiburg 1972,S.132-167.
2. DUDEN. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache.-Mahnheim-Wien-Zürich, 1984. – S.314.
3. Maas, U. «Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand». Sprache im Nazionalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse. – Opladen,1984. – 120 S.
4. Burkhardt A. „Das Parlament und seine Sprache». Studien zu Theorien und Geschichte parlamentarischer Kommunikation. –Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2003. –608 S.
5. Gaier, U. Bemerkungen zum Verhältnis von Sprache und Politik.»In Sprache und Politik-Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Heft 91.Bonn, S.10-28.
6. Zimmermann, H.D. Der allgemeine Barzel. Zum politischen Sprachgebrauch. In: Rucktäschel, Annemarie (Hrsg.):Sprache und Gesellschaft.-München,S.115-138.
7. Volmert, J. Politikrede als kommunikatives Handlungsspiel. Ein integriertes Modell zur semantisch-pragmatischen Beschreibung öffentlicher Rede.-München, 1989.- S.250-275.
8. Pelster,T. Die politische Rede im Westen und Osten Deutschlands. Vergleichende Stiluntersuchung mit beigefügten Texten.-Düsseldorf,1966.
9. Edelman, M. Politik als Ritual. Die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns.-Frankfurt/Main-New York, 1990.- S.217-233.